

Сергей Серебряков: У нас важная тема нашего круглого стола на МЭФ, которая так и называется – «ЦБ России: борьба с инфляцией или финансы для развития. Почему мы так ее назвали? Дело в том, что практически 80% заявлений главы ЦБ России сегодня имеют слово, что главная цель ЦБ – это снижение инфляции, управление инфляцией и очень умные слова, которые связаны с этими терминами.

Мы практически не слышим от ЦБ страны задач, связанных с экономическим ростом. Такие заявления есть, но они крайне редкие и крайне размытые. Главное, непонятно, что конкретно ЦБ будет делать в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе для того, чтобы экономическая ситуация в стране улучшалась, промышленность развивалась, сельское хозяйство совершенствовалось, инфраструктура обновлялась, строилась, инвестиции приходили в реальный сектор экономики, в систему здравоохранения, образования страны.

Так как этих заявлений нет, их очень мало, мы и назвали тему нашего круглого стола именно так – борьба с инфляцией и развитие. Я бы хотел предоставить слово своему коллеге, Владимиру Андреевичу, председателю комитета ТПП по финансовым рынкам и кредитным организациям.

Владимир Гамза: Добрый день, уважаемые коллеги! Я хочу представить взгляд бизнеса в лице ТПП на монетарную политику, которая осуществляется у нас в стране, прежде всего ЦБ, хотя не только ЦБ осуществляет монетарную политику. Первый тезис, для того чтобы была понятна наша позиция. Это соотношение динамики инвестиций и реального роста ВВП. Вы видите практически идентичные кривые, абсолютно точно свидетельствующие о том, что рост зависит от инвестиций. Растут инвестиции, есть экономический рост, падают инвестиции, экономический рост падает.

И здесь мне больше доказательств особо приводить не нужно. В чем причина проблем с инвестициями? Прежде всего в том, что структура инвестиций не соответствует развитию государства. Более 50 % всех инвестиций – это внутренние инвестиции наших предприятий. Сегодня уже менее 8 % вложений кредитных организаций. Все остальные там почти минимальные.

Мы иногда говорим, что надо создать условия, чтобы к нам пришли иностранные инвестиции. Слева вы видите таблицу, которая свидетельствует о том, что иностранные инвестиции никогда не были у нас большими. Наши прямые инвестиции за рубеж всегда были больше, чем иностранные инвестиции в России. И уповать на это не приходится. Их объемы тоже достаточно низкие, чтобы надеяться на этот источник.

Следующая проблема – это структура нашего ВВП и структура потребления. К сожалению, структура нашего ВВП не производственная. У нас производственная часть в структуре ВВП и в потреблении очень низкая. В основном мы сегодня функционируем как общество потребления. У нас почти такая же структура как в США, которые мы все время клеймим как общество потребления. У нас почти на том же уровне объем ВВП нашей торговли. И это, в принципе, понятно, потому что огромный импорт, который должна обслуживать

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»
торговля. В чем еще существенная проблема, почему у нас в стране такие низкие инвестиции?

[05:00:00]

Это проблема общего изъятия государства из экономики. Мы в два раза больше изымаем из экономики, чем Китай, и в 1,5 раза больше, чем США. У нас сегодня по сравнению с Китаем сложился такой крест: мы изымаем 43 % из экономики, и объем прямых инвестиций в ВВП – 21 %. Китай изымает из экономики 21 % и накопление прямых инвестиций в экономику – 43 %. Ровно обратно пропорциональные зависимости.

Где источники инвестиций? Весь наш финансовый рынок сегодня – это безбрежный океан кредитных организаций – 90 %, и только 10 % – весь остальной финансовый рынок. Можете себе представить, всего 10 %? И фондовый рынок, и рынки коллективных инвестиций, и все институциональные инвесторы, пенсионные накопления, страховые, лизинг и прочее. Всего 10 %. Причем этот объем сокращается.

Если сегодня активы кредитных организаций сравнялись с годовым ВВП, возникает вопрос: почему тогда не растут инвестиции кредитных организаций, которые всего 8 %? А если взять от активов кредитных организаций, это всего 3 %. Эта проблема заключается в институциональном состоянии нашей банковской системы. Все наши банки – это кредитно-депозитные учреждения, которым фактически запрещено заниматься прямыми инвестициями. И это во всем мире. Можно сколько угодно пенять на ЦБ, но просто так построена система. И во всем мире кредитно-депозитным учреждениям запрещается заниматься прямыми инвестициями. Для этого существуют инвестиционные банки, и существует специальный механизм, который называется проектным финансированием. Ни того, ни другого у нас фактически нет. За исключением ВЭБ, но он не является кредитной организацией в классическом понимании.

Что касается проектного финансирования, мы в 2014 году приняли закон о специальных обществах проектного финансирования, но к сожалению, эти общества могут функционировать только в рамках фондового рынка. На сегодняшний день именно в связи с этим не реализовано ни одного проекта в режиме СОПФ. То есть на сегодняшний день можно констатировать, что классическое проектное финансирование в стране не работает.

Если говорить о чисто инвестиционном кредитовании со стороны кредитных организаций, то мы тоже находимся в самом низу. Вы видите на кривых, мы вместе с Польшей где-то там бултыхаемся. Все остальные не просто значительно, а очень значительно выше нас. И на самом деле теперь переходим к вопросу, что первично, курица или яйцо. Все-таки борьба с инфляцией вызывает экономический рост или экономический рост снижает инфляцию, и какую позицию в этом занимает денежная масса?

Я не люблю долго рассуждать, я люблю рисовать кривые. Вот они кривые экономического роста и роста М2. Вы видите, рост или падение М2 примерно через год вызывает рост или падение ВВП. Наш коллега Сергей Блинов сделал такой анализ за 30 лет. Абсолютно такая же картина. Рост М2 примерно через полгода-год вызывает рост ВВП. Кривая инфляции

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

никакого значения для этого не имеет. Она живет сама по себе и зависит, прежде всего, от двух причин. Первая: уровень тарифов в естественных монополиях, издержки производства. И вторая – это курс доллара. Тогда возникает вопрос: почему низкая денежная масса?

[00:10:00]

В основе низкой денежной массы лежит наша архаичная структура национальной денежной базы. Если вы посмотрите тенденцию состояния по структуре денежной базы, то вы увидите, что перед каждым кризисом, накануне кризиса, например, за год, объем иммобилизации, изъятия национальной денежной базы государством из экономики достигает примерно половины уровня и экономика падает. После этого отпускают, экономика восстанавливается, и опять начинают изымать, потому что другого способа борьбы с инфляцией, кроме как путем сжатия национальной денежной базы, у них почему-то в голове нет.

Почему низкая денежная масса? Потому что такова структура. Даже на сегодняшний день, когда уже вроде стали достаточно вливать в экономику денежные средства из национальных фондов, у нас до сих пор изъятие государством денежных средств из экономики и складирование на счетах ЦБ составляет 35 %.

Наличные в обращении – 48 %, и только 17,5 % – это те деньги кредитных организаций из всей национальной денежной базы, которые участвуют в кредитно-депозитной мультипликации и создают денежную массу. Именно поэтому у нас реальный мультипликатор отношения национальной денежной базы и денежной массы в районе 2 % колеблется. Во всем мире мультипликатор – это 6-7-8 %.

Возникает вопрос: а есть ли у нас реальный финансовый ресурс для того, чтобы обеспечить инвестиции в экономику. Вне всяких сомнений. Вот эта кэшевая позиция российского денежного рынка. Не деньги, которые на счетах, которые уже куда-то вложены, это свободные кэшевые деньги, примерно 45 трлн рублей на сегодняшний день. Валютные резервы – 400 млрд долларов, это даже без золота. Наличные рубли у населения – это более 100 млрд долларов. Наличные в валюте у населения – это более 100 млрд долларов. И это более 100 млрд долларов денежных средств расширенного правительства на счетах в ЦБ.

Если правильно построить систему использования этих накопленных денежных средств в экономике, мы можем получить достаточно большой приток инвестиций в экономику, даже без целевой эмиссии ЦБ. Это будет составлять порядка 2 трлн рублей в год. Спасибо за внимание!

Сергей Серебряков: Очень хороший доклад, хорошие графики. Показано, что ситуация может быть иной. Я бы хотел дать слово президенту Ассоциации российских банков Тосуняну. Какое мнение у Ассоциации российских банков? И позвольте один вопрос от себя. Как вы оцениваете ситуацию, которая связана с отзывом лицензий банков страны.

Гарегин Тосунян: Добрый день, уважаемые коллеги! Только выступать я буду не от имени Ассоциации российских банков, а от своего имени. Я здесь эксперт, а не президент Ассоциации российских банков. Правда, я не экономист, я юрист и физик. Сначала физик, потом юрист. Мы, кстати, с Владимиром Андреевичем, кажется оба. Если хотите персональное дело рассматривать, то пожалуйста, мое рассматривайте. С вашего разрешения, я приведу некоторые фактические данные. Под этим углом зрения мы попробуем проанализировать и дать ответы на вопросы, которые сформулированы в повестке и вынесены на наше обсуждение.

[00:15:05]

И потом перейдем к причинам, которые, на мой взгляд, имеют прямую связь. Давайте начнем со следующих цифр. В 1991 году, когда Россия перешла на новые экономические методы управления, ее доля в мировом ВВП составляла более 2 %. На сегодняшний день эта доля 1,5 % мирового ВВП. Еще один показатель – это ВВП на душу населения. В начале своего пути мы занимали 59-е место в рыночной экономике по уровню данного индикатора ВВП на душу населения.

Интегральный индикатор не все раскрывающий. Когда в 1990 году пошло такое сильное расслоение, мы имели равномерно распределенные доходы внутри страны. Сейчас расслоение, и индекс Джини, и кривая Лоренца больше приблизились к латиноамериканским странам, отнюдь не к советскому периоду. Сегодня мы занимаем 67-место в компании с Мексикой, Румынией, Турцией и Гренадой. Должен сказать, что Казахстан в этом списке занимает 60 место. То есть постсоветские страны для сравнения.

Среднемировые темпы роста ВВП за последние годы не многим менее 3 %. Аналогичный показатель за последние несколько лет для России – 1,2 %. Вы понимаете, что экономическая политика в значительной степени – это результат денежно-кредитной политики. Наши экономические результаты – это результат денежно-кредитной политики.

Давайте посмотрим еще на некоторые цифры. По итогам 1992 года за чертой бедности под данным Росстата существовало почти 50 млн человек, 33 % населения. Самый низкий уровень бедности у нас был достигнут в 2013 году, 15,4 млн человек, то есть доля снизилась до 10 % населения, но это было в 2012 году. С 2012 года динамика повернулась вспять и за последние годы численность бедного населения перевалила за 20 млн, увеличившись фактически более чем на треть. Это тоже показатель и результат вот этого расслоения. Если по официальной статистике на конец 2016 года в России насчитывался 21 млн человек, живущий на доходы ниже прожиточного, то так называемое число бедных по самоощущению – это тоже очень важный показатель, не выдуманный, научный показатель – составляет более 30 млн человек.

Как производная от уровня жизни, очень легко измеряемый показатель – это показатель продолжительности жизни. Среднемировой показатель продолжительности жизни в 1991 году составлял 65,5 лет, в 2014 году – 71,5 лет. Для России эти показатели составляли соответственно 68 и 70. То есть рост продолжительности жизни на лицо, но отставание от мировых темпов тоже на лицо. Поэтому по многим показателям мир не стоит на месте.

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

Мы по этому показателю сползли с 108 на 151 место. Потому что естественно, на это влияет и уровень жизни, на это влияет медицинское обеспечение и многие другие факторы.

[00:19:57]

Если посмотреть за длительный период, связь роста цен на нефть и динамику отечественной экономики, то просто один к одному повторяет контур динамики нефти, то есть привязка настолько жесткая. Я не стал представлять вам никаких графиков, чтобы иметь больший визуальный контакт, чем отвлечение на схемы. Схемы сильно отвлекают, поэтому иногда ты ими злоупотребляешь, иногда наоборот, он них дистанцируешься. Я это периодически делаю в одну и в другую сторону.

Поскольку речь идет о борьбе с инфляцией, таргетирование инфляции сегодня один из важнейших лозунгов. В этом смысле надо отдать должное ЦБ и финансово-экономическим ведомствам. Эта цель достигается довольно успешно, хотя многие, и я в том числе ворчим, что инфляция в 5,4 %. Кто в это поверит? Выйдите в магазин, и вы убедитесь, что она не такая.

Потребительская инфляция – это потребительская инфляция, а инфляция официальная, общая несколько другая. Не верить Росстату у нас оснований нет. Действительно инфляция успешно таргетируется. Но может ли этот показатель быть главенствующим, может ли он рассматриваться в отрыве от какого-нибудь показателя: ВВП роста, или ВВП на душу населения, уровень бедности, уровень продолжительности жизни, уровень занятости населения. Показатель должен быть с чем-нибудь связан, потому что есть ловушка, в том числе и смысловая.

В принципе, инфляцию можно ужать, сокращая экономику до минимума. В замороженной экономике инфляции не будет, но не это цель. Поэтому однопараметрический показатель не может служить объективным индексом тех экономических достижений, которые мы бы, наверное, хотели знать. Другое дело, что с точки зрения ЦБ, это воспринимается, что перед нами не стоит задача. И действительно, законодатель вроде как не поставил задачу развития экономики. Это ответственность других ведомств. Тем не менее денежно-кредитная политика – все-таки компетенция, наверное, всех финансовых экономических органов.

Давайте посмотрим, какое к этому имеет отношение банковская система. Естественно, очень большое, потому что без кредитования вряд ли какая-нибудь экономика может развиваться. Совершенно очевидно, что связь прямая. Если инфляция высокая, то бизнес не может планировать, не может развиваться просто в силу того, что сама инфляция съедает все потенциальные возможности и тормозит развитие бизнеса. Это безоговорочно. Поэтому двузначная инфляция – это просто смертельная опасность для бизнеса.

Но если мы посмотрим на период 2009 – 2013 год, то у нас была умеренная инфляция – 6 – 9 %. Но процентные ставки по кредитам фактически сдерживали наше развитие и мы из медленного роста вползли в стагнацию, потом в рецессию, сейчас выползли опять в

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

стагнацию. То есть одна инфляция, но при соответствующих процентных ставках не дает возможности бизнесу развиваться.

Поэтому банковская система в этом вопросе играет ключевую роль и вопрос в том, чтобы стимулировать развитие бизнеса, причем не только крупного, а бизнеса разного уровня – это задача не менее значимая, чем просто таргетирование инфляции. Я на этом закончу. Будут вопросы, готов буду ответить. Но поскольку вы задали вопрос, то теперь отвечаю на ваш вопрос. Отзыв лицензии можно рассматривать под разными углами зрения.

[00:25:00]

ЦБ справедливо отмечает, что систему нужно очищать, потому что если там есть структуры, которые на самом деле не соответствуют своему наименованию, их конечно, с рынка надо убирать. Но может ли быть так много таких структур, можно ли предположить, что каждый второй в системе был дутым банком или каждый третий и тем более был вороватым участником рынка? Вообще говоря, надзор для того и есть, и он существует не один день, а много лет, чтобы система работала в режиме, когда там нет каждого второго дутого.

И с другой стороны, отзыв лицензии очень серьезно влияет на общую психологическую атмосферу, потому что бизнес прямым образом не может ответить себе на простой вопрос: где мне обслуживаться, чтобы я завтра не лишился своих денег? Если только в одном-двух-трех банках. Если бы ЦБ дал возможность обслуживаться бизнесу у него, то наверное, все сегодня ринулись бы обслуживаться только в ЦБ. Но вы понимаете, что не для этого мы создавали рыночные отношения и систему кредитных организаций, чтобы все обслуживались в ЦБ. Тогда надо было бы восстановить госбанки СССР и не говорить о рыночных отношениях.

Сергей Серебряков: Хочу предоставить слово депутату Госдумы, заместителю председателя комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов, Коломейцеву Николаю Васильевичу.

Николай Коломейцев: Наверное, не буду показывать слайды. Я хотел бы оттолкнуться от предыдущего коллеги. Для меня есть четыре авторитета, которые в этом деле разбираются. Есть профессор четырех университетов, трех американских и Китайского финансового университета, **Роберт Боро [00:27:21]**. Это единственный ученый, который провел исследование о влиянии инфляции на рост экономики 100 стран в интервале 30 лет. Никто этого не делал в мире. Он дважды уточнил это и сделал интересный вывод. Инфляция даже 15 % не является критичной, если вы вкладываете безналичные деньги в инфраструктуру, новое производство и индексируете заработные платы и социальные выплаты. Через пять лет она даст обратный результат и резко упадет. Поэтому это ответ банкирам, которые в принципе, занимаются таргетированием, а по-русски, сжатием денежной массы.

Второе: есть нобелевский лауреат, Тобин, который с точки зрения многих финансистов сегодня является гуру в денежной политике. Был Милтон Фридман, который является

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

главным монитористом и получил за это нобелевскую премию. Есть Джозеф Стиглиц, который тоже отвечает на эти вопросы.

К чему я хотел вас отправить? Кризис 2008 года, 23 ЦБ ведущих стран резко снижают процентные ставки. Финансисты считают, что процентная ставка не может быть более чем половина от средней рентабельности производства. В противном случае кредит бессмысленный. Никто в ущерб себе работать не будет. Наш ЦБ игнорирует это. Важнейшим фактором функционирования экономики является монетизация экономики.

Вышеперечисленные мной ученые считают, что минимальная монетизация экономики должны быть 50 %, нормальная – 70 %. Сегодня среднемировая монетизация экономики – 125 %. У ведущих стран мира она далеко за 150. Из стран БРИКС меньше нашей – у нас 42,5% на 1 февраля этого года – только Индия имеет 85 %. Все остальные далеко за 100. Поэтому с нашей точки зрения, главной причиной нашей рецессии, а не стагнации, является искусственный недопуск к финансовым ресурсам от производителей.

[00:29:58]

И непонятно, каким образом можно выйти из этой ситуации, если наш ЦБ, как и ныне сидящий под домашним арестом Улюкаев, ни разу в жизни не давали ни одного прогноза. У них пять вариантов и ни один не сбывается. Что делали в ЦБ кроме снижения процентных ставок? Снижая процентные ставки, естественно, делали кредит более доступным. Как только процентная ставка переставала работать, начиналось количественное смягчение, но в разных странах оно делалось разными способами.

Скажем, ФРС США, которая как бы сверхнезависимая. Но на самом деле Минфин печатало бумаги, а ФРС его выкупала, наполняя деньгами экономику и финансовый сектор. Только за шесть лет, с 2008 по 2014 ФРС США для количественного смягчения вкачала в экономику 4 трлн долларов. И с 7,5 % повысило до 11,5 %. ЕЦБ начал эту процедуру на год позже несколько другим способом. ЕЦБ через дешевые кредиты для банковской системы решал эту же проблему годом позже. Под 1 % давали банкам кредиты. Только объявили программу, 1121 банк ЕС обратился и все получили льготные кредиты, сразу 469 млрд евро.

После того как они увидели, что количественное смягчение у американцев дает больший результат... Американцы, кстати, уже в 2010 году превысили докризисные показатели ВВП и восстановились. Это при всех рассказах наших СМИ, что там у них все плохо. На самом деле плохо у нас. Поэтому ЕЦБ тоже начал политику смягчения. Вот за эти же шесть лет ЕЦБ влил через кредиты банкам и через рефинансирование долгов банков 3 трлн евро. Вы видите, что почти те же суммы, что и США.

Аналогичную, но более хитрую, с моей точки зрения, политику вел британский банк, потому что Британия, Швеция и Швейцария пошли дальше. Они сегодня проводят тактику преференций вовнутрь. Тем, кто инвестирует в отечественную экономику, они дают минусовые кредиты для банка, фактически ссуды, для того чтобы они вкладывали в отечественную экономику.

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

Что делают японцы? Японцы ежегодно делают количественное смягчение примерно 660 млрд долларов. У японцев монетизация – 284 %. Есть механизмы, как они избавляются от лишней ликвидности. Но у них ведь есть периодические финансовые войны: евро-доллар, йена-доллар. Почему? Потому что американцы всегда смотрят, чтобы доллар был в более выгодной ситуации. У них есть для этого специальные механизмы. У американцев финансовый рынок и реальный сектор никак не зависим. Все их количественные увеличения и смягчения никогда не приводили к серьезным катализмам. Более того, на момент кризиса при снижении процентной ставки ФРС с 4,25 до 0,25 инфляция у США была 7,5 %.

То есть вы видите, что в принципе, никто и не гнался за тем, чтобы сбивать инфляцию. Сегодня и Япония, и ЕС поднимают инфляцию для того, чтобы через рост цен дать движение в экономике. С моей точки зрения, самой главной проблемой в банковской системе является сверхлиберальное валютное регулирование. У нас вывоз капитала на сегодня зашкаливает и не соответствует тем показателям, которые дает ЦБ.

Наверное, вы все слышали о молдавской, киргизской схеме, когда наши суды с нашими судебными исполнителями только по молдавской схеме за год вывели 64 млрд долларов, которые в оттоке капитала не учтены. С нашей точки зрения, необходимо ужесточить валютное регулирование, необходимо повысить монетизацию экономики, необходимо сориентировать ЦБ.

Из этих 23 ЦБ, о которых я говорил, которые делали количественное смягчение, ни один, кроме нашего, не имеет одну задачу таргетирования инфляции или удержания стабильности рубля. Кстати говоря, я уважаемому Гарегину хочу сказать: нам Набиуллина с Улюкаевым рассказывали, как только инфляция снизится ключевая ставка снизится. За прошлый год и ЦБ, и Росстат, и Минэконом заявили, что инфляция 5,4 %. Объясните мне, почему сегодня ключевая ставка – 9,75 %. С чем она связана? Средняя рентабельность по российскому производству – 7,7 %. То есть ключевая ставка не может быть выше 3,6 %.

Завершая, хотел бы сказать, что с нашей точки зрения, необходимо поменять законодательство. Мы должны на первое место поставить ЦБ с Минфином и Минэкономики задачу – ответственность за рост экономики.

На второе место мы должны поставить обеспечение стабильности финансовой системы.

На третье место – занятость, которая есть у всех стран. У сейчас, к сожалению, нет достоверной статистики потому, что Греф, будучи министром экономики, уничтожил ее. Почему? Потому что по рекомендациям ООН статистический орган не может подчиняться ведомствам. Он может функционально подчиняться только высшему должностному лицу, которое не может воздействовать. Более того до подсоединения, до влития в Минэкономразвития, вообще-то предоставление информации в Росстат было обязательным и уголовно наказуемым за недостоверную информацию. Сегодня такой ответственности нет, поэтому достоверность нашей статистики очень, скажем так, вызывает большие вопросы.

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

И завершая. С моей точки зрения, все-таки финансами должны заниматься финансисты. Экономикой должны заниматься экономисты. Производством – производственники. Потому что есть древняя пословица, что если обувщик начнет печь хлеб, а пекарь будет тачать сапоги, то не будет ни сапогов, ни хлеба. Примерно это у нас происходит. Спасибо.

Сергей Серебряков: Интересный доклад, но попросил бы докладчиков, чтобы у нас все-таки еще было бы время на дискуссию, более скжато выступать. Хотел бы предоставить слово вице-президенту «Деловой России» Остаркову Николаю Александровичу. И подготовиться Величко Михаилу Викторовичу к следующему докладу.

Николай Остарков: Все положения, которые были высказаны предыдущими докладчиками, в принципе, они есть, поэтому, чтобы не повторяться, уйду совершенно в другую сторону и попытаюсь рассказать о некоторых причинах, почему это происходит. Самая главная, конечно, причина, – это причина, что лоббисты, которые играют за ту сторону, сильнее, информационно лучше обеспечены, финансово более сильны. Экспертная поддержка у них мощнее пока. И самое главное, что они еще при этом обладают таким свойством, как теоретическое алиби. То есть они говорят как бы от имени истины. Хотя на самом деле это всегда определенный интерес. Ищите интересы, чьи они представляют, и все встанет на свои места. Это первая причина. То есть пока мы лоббистски проигрываем и очень сильно. И интеллектуально, и экспертино, и так далее.

Вторая причина, это теоретические проблемы, и о них я немножечко скажу, может быть, потому что об этом вряд ли кто будет говорить, потому что все-таки такая нацеленность на прагматический эффект. Если мы посмотрим инфляцию, то само понятие инфляции, под этой вывеской скрывается несколько разных детерминированных процессов. В принципе, этой фразы уже было достаточно для того, чтобы отказаться от этого понятия. Для не экономистов, может, если есть, курсовая инфляция – это одно, тарифы плюс госкомпании, которые себестоимость могут наращивать с ростом инфляции, как бы экстраполируя, это второй источник, совершенно другой. Третий – это высокая ставка. Высокая ставка работает на повышение инфляции.

Если надо, потом подробно объясню. В частности. Потому что она создает более лучшие возможности для крупных ритейлеровских компаний, то есть высоко маржинальных, которые могут кредитоваться совершенно по-другому. Если у вас высокая ставка, вы работаете в интересах ритейла крупного, и в принципе, это не означает, что они мгновенно увеличивают цены, но этот рычаг вы просто передаете им. Это по поводу потребительской инфляции.

Наконец, четвертый фактор инфляции – это самопрограммируемость инфляции. Я начинал свою работу в «Жилсоцбанке» еще в советские времена, то есть были эксперты еще тех времен. Я их спрашивал: «Как вы в смету загоняете инфляцию? Объясните мне, как в смену следующего года загнать инфляцию, откуда вы ее берете?» – «Как? Просто. В прошлом году была три процента, значит, мы в следующем году вносим в эту смету три процента». Возникает вопрос – какая инфляция будет на выходе? На выходе будет по строительной отрасли, она будет три процента. То есть мы сами ее программируем. Вот

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

это самопрограммирование инфляции есть в тарифной политике, в политике госкомпаний и так далее. Когда от предыдущего года забрасывают просто ту же самую. И это есть самопрограммирование.

[00:05:01]

Когда мы нашли такое количество разных факторов, которые детерминируют инфляцию, по идее, нужно отказаться от этого понятия, сказать, что оно беспредметно. Но у нас нашлись хорошие теоретики, и они попытались спасти это понятие. Российская академия наук, я сейчас фамилии не помню, но посмотрите. Они говорят: «Давайте считать это многофакторной инфляцией». Но если это многофакторная инфляция, значит, она не может быть предметом таргетирования, потому что нужно вот здесь таргетировать так, здесь таргетировать так, а здесь вот так. Совершенно по-разному. Теоретически вроде как есть за что зацепиться.

Теперь вводим еще один аргумент, который говорит о том, что все-таки она невозможна. Оно возможно, понятие инфляции, оно возможно, если у вас есть всеобщий эквивалент. Если у вас нет всеобщего эквивалента, об этом Гринспен кратенько как-то говорил, когда отменяли золотой стандарт, то вся система понятий – потребительная стоимость, цена, труд, капитал, ВВП, и так далее, вся эта сетка понятий, она летит в тартарары. У нее нет предметного референта. Если нет всеобщего эквивалента, следующим шагом вы должны, по идее, принцип эквивалентности убрать из теории. Просто он становится ничем не обоснованным. И вся система экономической науки лети в тартарары. Поэтому за инфляцией нет никакого предметного...

В чем специфика современной формации? Это эмиссионная формация. И Центральный банк любой страны выступает как эмиссионный центр. Эмиссионная политика используется как механизм, и это открытие 60-70-х годов, что оказывается, некоторые виды эмиссии приводят к той инфляции старой, к ее уменьшению. Простейший пример, который надоело уже повторять, это рефинансирование ипотеки.

Если мы эмиссионные банки, если мы эмиссионные деньги через систему рефинансирования ипотеки запускаем в экономику, то они парадоксальным образом не увеличивают инфляцию, а наоборот, ее снижают. Почему? Потому что люди понесли первый взнос. Потому что каждый месяц они тоже часть денег тратят не на потребительский рынок, и так далее. Потому что, в-третьих, они из валюты переходят в рубли и так далее. Там много факторов. То есть это ведет к снижению инфляции.

Это должно где-то на втором, на третьем курсе в экономических вузах объясняться. Чтобы студент получил пятерку, ему надо задавать дополнительный вопрос: есть ли виды эмиссий, которые приводят к снижению инфляции. Он должен отвечать: да, есть. Вот один из них – ипотека. Их несколько, там еще лизинг, в частности, субсидирование экспорта через систему рефинансирования, и очень много еще способов.

И тут произошло открытие. Оказывается, эмиссия приводит к снижению инфляции, так тогда основная функция Центрального банка должна быть – искать эти каналы эмиссии, которые запускают экономику, связывая спрос, канализируя спрос (а деньги все у

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

населения, в конечном счете), мы берем этот спрос, направляем его в нужное направление через эмиссию, да? И тем самым еще снижаем инфляцию.

Так вот в чем основная функция Центрального банка. Он должен заниматься эмиссией, эмиссией, и еще раз эмиссией. Но не с вертолета, а заниматься, искать целевые каналы, где это возможно. Например, через промышленную политику. Выкупил облигации Фонда развития промышленности, и это опять же снижение инфляции. Поддерживаешь экспорт? Да. Откуда берутся ставки ноль процентов у европейских банков, которые поддерживают кредит на продажу нам оборудования немецкого? Откуда они берутся, нулевые? Да они могут быть отрицательными, могут быть даже 50% минус. Потому что это эмиссионные деньги. Откуда они берутся? Именно потому, что все банки, понимая, что если ты эмиссионные деньги продал, например, в другую страну через кредит, то ты тем самым у себя-то инфляцию снижаешь.

Таким образом, этот спектр возможностей привел к пересмотру функций Центрального банка. Эмиссия, целенаправленная, и в определенных объемах, естественно, то есть, там, Европа триллион запускала, Соединенные Штаты порядка трех с половиной, и так далее. Это все методы целевого рефинансирования фактически эмиссионных денег. На этом я заканчиваю.

[00:10:08]

Сергей Серебряков: Михаил Викторович Величко, кандидат экономических наук Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. Я знаю, что ваша позиция, она вообще другая.

Михаил Величко: Да, моя позиция вообще другая. В общем, понимайте так, что по базовому образованию я управленец, и мне все равно, что рассматривать в качестве объекта управления – экономику или ракету. Законы управления, они одни и те же, только вопрос в том, как связать конкретику. Значит, Эрхард сказал, что инфляция – это обворовывание собственного народа. Инфляция всегда результат легкомысленной, или даже преступной политики. Никаких возражений со стороны Центробанка или со стороны правительства этому не было.

То, чего я хочу рассказать, подробно можно прочитать здесь. «Экономика инновационного развития: управленческие основы экономической теории». Издательство «Директ-Медиа». Это главная социокультурная закономерность. Наука сгружает в систему образования теории. Теории формируют менталитет выпускников вузов. Дальше оперативная информация соотносится с тем, чему учили в школе и вузе. Появляется спектр управленческих решений, которые определяют качество жизни. Быстродействие процесса порядка 15-20 лет. Но взаимосвязь простая. Одна наука на входе, одно качество жизни. Другая наука на выходе, другое качество жизни.

Значит, тут можно инфляцию производить по пяти рецептам. Центробанк у нас занимается четвертым и пятым. Кредитование под процент экономики населения, ограничение при этом денежной массы сопровождается ростом себестоимости производства, оттоком денег от населения и промышленности в собственность

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»
банковского сектора. И далее получается так, что при новом уровне цен прежнего объема денег не хватает и идет спад производства.

Пятый рецепт – создание условий для более высокой доходности в спекулятивном секторе, нежели в производящем. Если анализировать денежное обращение на основе правил Кирхгофа для процесса переноса в сетях, то возникает вопрос – а сколько денег находится в кредитно-финансовой системе? Ответов на этот вопрос два. Можно запросить Центробанк об агрегате М2 и мультипликаторах. А можно ответить просто: в денежной системе всегда 100% денег.

И когда мы переходим к анализу того, что там происходит на основе признания того, что там всегда 100% денег и инфляция там возможна только как рост цен, но эмиссии невозможны, потому что всегда 100% денег, то возникает вопрос о том, как использовать кредитно-финансовую систему в качестве инструмента макроэкономического управления. Собственником должно быть государство, и никаких Центробанк независимо от других органов. Центробанк должен быть подчинен Госплану вместе с Минэкономразвития.

Дальше получается так, что объемы производства везде и всюду обусловлены количеством энергии, которую вы вливаете в технологии и КПД технологии и логистики, то основной показатель контрольной кредитно-финансовой системы, это объем производства электроэнергии, отнесенный к эффективной денежной массе.

[00:15:02]

Если этот показатель начинает очень сильно гулять, то начинается распад хозяйственных связей вследствие того, что производственные мощности отраслей в натуральном учете не соответствуют покупательной способности оборотных средств этих отраслей.

Дальше. Если смотреть на экономику с позиции теории управления, то встает элементарный вопрос управленческой грамотности – в чем выражается вектор ошибки управления. Вот вектор ошибки управления финансово выражается как прейскурант на конечную продукцию. Управление при неопределенности вектора ошибки управления и управление неопределенности вектора целей невозможно. Государственное управленческое назначение механизма распределения налогов, дотаций и субсидий поддерживает финансовую устойчивость отраслей, когда цены в ходе экономического развития не пропорционально изменяются в разных отраслях и регионах.

Нас интересует не то, чтобы были рентабельны и прибыльны некие совокупности предприятий. Нас интересует то, чтобы экономика в целом давала обществу и политике государства то, что нужно. Какие при этом цены, в каком номинале выражаются 100%, это нас мало интересует. В общем, если говорить об эмиссионной политике, то все-таки эмиссионная политика должна быть такой, чтобы люди не обворовывались инфляцией. То есть нормальный режим функционирования экономики – это прогрессирующее снижение цен по мере того, как экономика удовлетворяет общественные потребности и потребности государства в обеспечении его политикой. В общем, все можно прочитать здесь. Яндекс находит. Все.

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

Сергей Серебряков: Хотелось бы предоставить слово Гартунгу Валерию Карловичу, первому заместителю председателя Комитета Государственной Думы по промышленности. Так как Центральный банк сильно влияет на промышленность, то я думаю, что сам Бог велел...

Мужчина: Всего полтора процента от всей кредитной массы и плюс промышленность.

Сергей Серебряков: Да. Комитету Государственной Думы по промышленности высказать свою точку зрения.

Валерий Гартунг: Теперь он называется по промышленности, экономической политике, предпринимательству и инновациям, так уж добавим, да? Это в прошлом созыве было по промышленности, сейчас объединили. Наверно и правильно, потому что промышленность – часть экономики. Но я считаю, что самая важная часть. Во-первых, потому, что создается продукт добавленный, а, во-вторых, наибольшее число занятых.

Знаете, я начну с оценки того, что я услышал с начала дискуссии. И сразу хочу сказать, что я впервые, пожалуй, оказался в ситуации, когда все, что я хотел сказать, уже было сказано до меня. И в этой ситуации я изменю свое выступление и, в общем-то, не буду повторять. Последний выступающий, один только тезис такой спорный, что надо отказаться от частных банков и сделать только государственный банк. И нас спасет только Госплан.

Кстати, с этими двумя тезисами я не согласен, они весьма спорные, потому что если бы они были на самом деле справедливыми. То тогда бы весь остальной мир рухнул бы, потому что там нигде нет этого. Но он не рухнул. Значит, эти два тезиса жизнью не подтверждаются. Все остальное, я с этим был согласен. Мало того, приведу пример из собственной жизни.

1992 год. Я уже примерно четыре года занимаюсь предпринимательством. Начинал с нуля, с цеха по производству холодных штамповок для легковых автомобилей. Так вот, я брал кредиты по 230 годовых. Мало того, вернул все кредиты со всеми процентами и рентабельность производственная, подчеркиваю, никакие не спекуляции, производственная рентабельность позволяла отбивать все и еще вкладывать и развивать. Вот вам, пожалуйста, Когда глава ЦБ говорит, что инфляция убивает бизнес, экономику, но жизнь этого не подтверждает.

[00:20:00]

Следующее. Конечно, я вам привел пример, может, конечно, корректный он или не корректный, но это факт из жизни. Он, может быть, я понимаю, что он бьет по сознанию некоторым теоретикам, которые считают, и, кстати, Набиуллина так считает, что все-таки инфляция это ключевой показатель. На самом деле, ничего добавлять здесь не будут, потому что мой коллега уже сказал. Все Центробанки мира, они что своей целью делают?

Посмотри, ФРС на что ориентируется? На рост экономики и на безработицу – два ключевых показателя. И она по ним смотрит. Если безработица снижается, рост экономики идет, они тут же принимают меры, регулируют свою деятельность, вносят корректизы. У нас Центробанк только думает об инфляции. Но вот уже было абсолютно

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

доказано всеми предшествующими выступлениями, что на самом деле этот показатель не только не отражает задач, стоящих перед экономикой страны, но, скажем так, те методы, которые он использует, они даже эту задачу не могут решить, потому что у нас инфляция имеет другую природу.

У нас инфляция издержек, потому что у нас монополизированная экономика. У нас издержки все, посмотрите, – энергоносители. У нас несколько компаний, которые формируют рынок. Цены на нем диктует. Металлурги, посмотрите, ферросплавы, химия, то есть все составляющие промышленности. Я сейчас говорю о машиностроении, например. Все издержки, которые несет машиностроение при создании своей продукции с высокой добавленной стоимости, в России у нас эти все рынки они или монополизированы, либо монополия, либо олигополия. И ФАС ничего с этим не может сделать. Вот это ключевая проблема российской экономики.

Если бы российское правительство не прятало голову в песок, ни через ужимание денежной массы и не сокращение потребительского спроса это делало, а наоборот, занималось бы демонополизацией экономики, то у нас этой проблемы бы не было. Понятно, задача Центробанка и правительства – стабильность. Но самая большая стабильность – на кладбище. Если вообще людям денег не давать, они вообще ничего покупать не будут, правильно? И не будет инфляции. Это же очень простой механизм.

Давайте не будем людям денег давать и тогда любая продукция, которая будет выпущена, она будет избыточна, и цена на нее не будет расти, потому что ее никто не будет покупать. Вот, собственно, и все. Но это же, извините, я уже на оценки не буду переходить, это просто, как минимум, неграмотно. Поэтому я увидел выступление, я думаю, вот лучший кандидат на главу ЦБ, который выступал здесь. Его нужно туда сейчас направить.

Что касается законов, закона о ЦБ. Мы, по моему, Николай Васильевич, вносили поправки в закон, и мы ввели в оценку деятельности ЦБ развитие экономики. По-моему, у нас это есть. Надо сейчас вернуться, посмотреть. Если нет, – значит, давайте мы поработаем с этим.

Мужчина: Мы просили, но не приняли.

Валерий Гартунг: Не приняли, да? Заканчиваю. Обязательно, я считаю, вот эти выступления, которые сегодня были, мы возьмем за основу, и обещаю, что мы обязательно внесем поправки в закон о ЦБ. Другое дело, как проголосует за них «Единая Россия». Мы за это не можем отвечать. Но однозначно, мы эти поправки внесем и постараемся поменять задачи, ставящиеся государством перед ЦБ, на рост экономики и на снижение безработицы.

Единственное, что к организаторам просьба у меня, все-таки, я так понимаю, есть у нас запись всего этого, да? Обязательно хотел бы попросить все эти данные для обоснования наших законодательных инициатив. Спасибо большое.

[00:25:00]

Сергей Серебряков: Волков Олег Вячеславович, генеральный директор «Цамакс».

Олег Волков: Да, здравствуйте. Генеральный директор фирмы «Цамакс», производство ветеринарных препаратов. Я, наверно, единственный здесь человек, который занимается реальным делом, и у которого есть взгляд на эту проблему, немножко взгляд снизу. Нарушу, конечно, монополию экономистов разного уровня, тем более из Государственной Думы сказали: каждый сверчок должен знать свой шесток. Но я надеюсь, я выскажу какие-то свои проблемы.

Я хочу немножко взглянуть с другой стороны. Сейчас очень много говорят о коррупции. На сегодняшний день самый главный тезис, который сейчас продвигается в общество, ставится знак равенства между коррупцией и взяточничеством. И основной тезис проводится, что коррупция – это злоупотребление должностным положением конкретных чиновников. На самом деле, коррупция – это есть вид организованной преступности монополистов для получения сверхприбыли.

Есть обыкновенная коррупция, это, допустим, в сетях. Есть коррупция государственная. Государственная коррупция – это коррупция государственных чиновников, которые организуются для получения сверхприбыли. И при такой организованной преступности существует наличие таких же вещей, как, допустим, мафия. Это структура, сверху, снизу структура, деление вещей, распределение денег и все-все, что полагается.

В чем опасность того, что у нас сложилось. Сейчас мы вступили в такую стадию, что государственная коррупция вступила в стадию узаконенной государственной коррупции, которая страшна просто своими последствиями. А последствия простые. Основные последствия узаконенной государственной коррупции – это максимальная монополизация всего до чего дотянулись государственные чиновники. Это страшная вещь, и то, что сейчас рассказывали, – это и безработица, это и стагнация, и все, что хотите, – все концентрируется в определенных руках и ничему не дается развитие. По большому счету, это коллективный государственный бизнес государственных чиновников для получения сверхприбылей.

Уничтожение конкуренции происходит по двум направлениям. Первое, это уничтожение взяточничества. Идет отчитывание за свою работу. И плюс, уничтожение всех конкурентов, куда дотягиваются рука государственной коррупции. Происходит это простым методом. Я рассказываю про себя, это мой взгляд снизу. Первое, что делается, – создаются невыносимые условия для производства чего-либо в нашей стране. Это делается, так сказать, налоги, это штрафы, это жесткая отчетность, это огромное количество документации, которая не лезет ни в какие вещи.

Исходя из этого, происходит такая вещь, как появление коммерческих структур, которые выполняют государственные функции. То есть они за деньги оформляют нам все документы по определенной лицензии. У них есть определенная придумана система, по которой эти деньги получаются. И одновременно происходит максимальное продвижение и улучшение положения для всех предприятий и структур, которые входят в

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»
государственную коррупционную схему. Это и льготные кредиты, это бюджетные деньги, это облегченка бухгалтерии, и все-все, что с этим связано.

Потом идет следующий этап. Следующий этап – это происходит ухудшение отчетности. Отчетность переходит в другую стадию. Начинают наказывать не за нарушения, а за отсутствие бумажки. Бумажек наплодят, и потом ходят по фирмам и смотрят: есть бумажка – нормально; нет бумажки – штрафы сумасшедшие, вплоть до закрытия и все прочее. В результате такой деятельности все начинают, кто не входит в структуры государственные, они, естественно, начинают нарушать.

Получается, все люди, которые здесь что-то делают, они все преступники. Все преступники. Потому что при том, что существует, сейчас я тоже преступник. Работать просто невозможно. Отбирается все, беспредел полный. И, соответственно, либо тебя закрывают, либо люди разбегаются. Мое фирме осталось жить два года. Сейчас есть мораторий президента, через два года меня разорвут и зачистят в поле, как говорится, полностью.

[00:30:09]

По поводу нашего рынка. За 2016 год завоз импортной продукции по фармацевтике увеличился на треть. Количество посреднических операций, потому что санкции, количество увеличилось на восемь процентов. Это за один год. Соответственно, производство всего этого дела в России на эту сумму приблизительно уменьшится, рынок имеет определенную емкость, сами понимаете.

Естественно, все это существует во всех сферах жизни. Почему я сейчас говорю, коррупция? Потому что это касается и Центробанка, и коммунальных услуг, и транспорта. Схемы приблизительно одни и те же, – убивание конкуренции, уничтожение и все подгребание под себя. Не буду больше рассказывать.

Коротко остановлюсь в принципе. В принципе выхода нет. То, что сейчас сформировалось, узаконенная государственная коррупция, – это, я не знаю, что с ней делать. Формировать какие-то вещи для того, чтобы создать какие-то условия, для начала, борьбы с этой, как делается, можно какие-то вещи сделать. Первое, это нужно сформировать юридическое определение и ввести, что коррупция – есть вид особо опасной организованной преступности на государственном уровне. Сейчас этого нет, так сказать, не борются с взяточничеством.

Второй момент. Общественный контроль. Общественный контроль может осуществиться, только если есть люди, которые в этом заинтересованы. Сейчас людей, которые в этом заинтересованы, просто нет, потому что сейчас все налоги платят, и это работодатель на производстве. Я уверен, что сейчас сидят люди в складе, и они не знают, сколько за них платит денег работодатель. И, соответственно, перевод, чтобы налоги платил не работодатель, кроме страховки за несчастный случай, а платил каждый работник. Мы платим зарплату. Как везде, во всем нормальном мире цивилизованном. И работник платит за себя налоги. Только после этого люди будут интересоваться, начать контролировать это дело.

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

Третий момент. Естественно, про национализацию Центрального банка, так сказать, здесь все уже говорилось. И последнее. Добиться одинаковых конкурентных условий. Хотя бы, ладно, конкурентных условий. Что это такое? Это налогообложение и оформление документации. Введите хотя бы эти корректные условия одинаковые, как в Соединенных Штатах или в Китае. У нас налогообложение больше, чем у американцев в четыре раза. То есть у меня сейчас отбирают все. Я закрыл все свои разработки, закрыл предприятия, и все прочее. Вот по большому счету все. Не буду говорить далее.

Сергей Серебряков: Левченко Владимир Юрьевич здесь? Нет? Тогда я сделаю свой доклад. Я специально пытался задержаться до конца, буквально несколько минут. И у нас осталось достаточно времени для того, чтобы задавать друг другу вопросы. И, наверно, наш круглый стол будет отличаться от предыдущих тем, что у нас будет целых полчаса, почти полчаса для того, чтобы обсудить, что здесь говорилось.

Я начну несколько с другого, потому что про Центральный банк сказано и вчера очень много. Глазьев предоставил исчерпывающую статистику по этому поводу, и по поводу спекулятивного капитала, который мы здесь немножко затрагивали. А начну с простого прикладного отдела завода.

Может ли любой завод, любой фермер, крестьянин жить без целеполагания? Кораблю, который не знает, в какую гавань плыть, никакой ветер не будет попутным. Поэтому главный вопрос – цель. Несколько лет назад такого предприятия, которое я возглавляю, фактически не было, но многие это знают. Предприятие находилось в кризисе, и мы поставили цель – повысить качество. И сделали так, что каждая служба отвечала за этот вопрос.

Чем это связано с Центральным банком? В том числе, кстати, и бухгалтера, и юристы за это отвечают. И сегодня мы заняли 20% мирового рынка энергонасыщенных секторов. А это говорит о том, что может ли быть так, что один из органов...

Мужчина: Назовите предприятие, пожалуйста, не все знают.

Сергей Серебряков: Петербургский тракторный завод. А может ли быть так, что Центральный банк, один из органов государственной власти имеет иные цели, чем цели общественного развития и цели других ведомств? Может ли быть так, что Центральный банк имеет иные цели, чем забота о собственном отечестве? Может ли быть так, что Центральный банк вырывает из куска один какой-то вектор и этот вектор, по басне Крылова «Лебедь, рак и щука» противоречит другим векторам развития экономики страны?

[00:35:13]

Наверно это неправильная система управления, и вот то, что здесь поднимались вопросы, связанные, в том числе, и с вашим докладом, о том, что они не отвечают за экономическую политику, это говорит о безобразной структуре управления экономикой страны. Поэтому я долго говорить не буду, и завершу свое выступление одним простым докладом, и перейдем к прениям, к обсуждениям.

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

В то время, когда человечество научилось плавать под водой, как рыбы, летать по воздуху, как птицы, нам осталось одно: научиться жить на земле по-человечески. Что хотелось бы нам всем и пожелать. И сделать так, чтобы и Центральный банк страны занялся серьезным вопросом экономического развития для целей хорошей качественной жизни нашего родного народа и отечества. Спасибо.

Коллеги, если у кого-то есть вопросы, у нас был еще один выступающий, он еще хочет выступить? Пожалуйста.

Гамлет Атанесян: Доцент юридического факультета МГУ Атанесян, адвокат. Я хотел бы по поводу того, что здесь было сказано, добавить, что это, конечно, Центральный банк у нас не орган государственной власти. Это орган, правовое положение которого не определено. Это первое. Поэтому, я полагаю, что здесь самый главный вывод, который мы должны сделать, – мы должны нормализовать ситуацию.

Перефразируя слова Хрущёва, который говорил: «Цели ясны, задачи определены, – за работу, товарищи!» У нас цели нормативно неправильно выражены. Задачи не определены. За работу приняться нельзя. Никак мы не можем работать до тех пор, пока закон о Центральном банке сформулирован так, как он сформулирован.

Первое. Мы должны сказать, что Центральный банк – это экономико-правовой институт, который должен быть органично вписан в систему государственного управления, и который отвечает, я подчеркиваю это, отвечает за экономическое развитие и стабильность рубля, так, как это сказано в Конституции.

И, наконец, он должен быть подотчетен правительству Российской Федерации. И тогда мы поймем, правительство заслуживает того, чтобы быть на этом месте или нет, потому что за работу Центрального банка тогда будет отвечать правительство. Других вариантов нет. И мы должны понимать, что все эти нелепые предложения по поводу того, чтобы освободить Центральный банк Российской Федерации от ответственности за принятые решения, которые сейчас муссируются в Думе, эти... У нас даже генеральный прокурор ответственен за прокурорский надзор. И если он не выполняет эту функцию прокурорского надзора, его должны снять.

А Центральный банк ни за что не отвечает. Катастрофически уменьшается количество банков. Вышибается средний класс вообще из жизни. Тридцать миллионов бедных. Здесь же цифра была названа, Гарегин Ашотович назвал, – 30 млн. А по кому удар? У 30 млн бедных нет счетов в банках, это надо понять. А у кого есть счета в банках? У среднего класса. Под кем подрывается экономическая база? Под средним классом. Общество еще сильнее и сильнее расслаивается.

Поэтому я полагаю, что мы должны, я уже не хочу вам рассказывать примеры из практики, которых у меня предостаточно. Как придешь в суд по поводу кредита или чего-то, ты понимаешь, что там уже сформировалась практика. Судья тебе после суда подходит и говорит: «Вы знаете, я на вашей стороне. Для меня это вообще нонсенс юридической стороны. Но я не могу принять решение в соответствии с тем, что вы говорили». Поэтому я

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

полагаю, что мы должны самым серьезным образом вернуться к правовому положению Центрального банка.

Сергей Серебряков: У кого какие вопросы?

Сергей Блекотто: Вопрос к Гарегину Ашотовичу. Меня зовут Сергей Блекотто, я из Академии народного хозяйства и государственной службы. Вопрос такой. Вы сказали, что низкая инфляция, о которой отчитался и Росстат, и Банк России. Вопрос такой, – это было достигнуто усилиями Центрального банка или все же это из-за того, что укрепился рубль и стабилизировались цены на нефть? Спасибо.

[00:40:08]

Гарегин Тосунян: Коллеги, дело в том, что у нас здесь формат круглого стола, из-за этого все выступления достаточно краткие. Моя рекомендация – посмотреть на сайте Ассоциации российских банков тот годовой доклад, который вызвал бурю эмоций позавчера на съезде Ассоциации российских банков. Ассоциация российских банков, сайт, – годовой доклад.

Тем не менее, попытаюсь ответить на вопрос. Конечно же, это определенные действия со стороны Центрального банка, в том числе, направленные на сжатие денежно-кредитного рынка. Потому что они не видят истинной причины инфляции, которые мы видим в тарифной политике, которые мы видим как раз в отсутствии возможности развиваться бизнесу, в том числе, коллега говорил о необходимости эмиссии, которая отнюдь не разрушает рынок, а, наоборот, в определенной степени способствует снижению инфляции, если эта эмиссия направлена на производство. Если эта эмиссия стимулирует производство. И стимулирует движение процентных ставок вниз. Тогда цена товара снижается, и конкуренция.

Коллега о конкуренции сказал очень жестко, совершенно справедливо. Если конкуренция приводит к тому, что выталкивается с рынка все, что не является близким к власти или не является монополистом, то в такой конкурентной среде экономика будет идти вниз, цены будут идти вверх, инфляцию формально можно за счет снижения, конечно, свести к нулю. О кладбище здесь тоже уже примеры были.

Но вопрос в том, чтобы можно было бы обеспечить это в связке с одним из жизненно необходимых показателей, – уровень жизни, безработица, соответственно, а не путем сжатия. Если мы банки, действительно, до конца все уничтожим, ну, тогда при нулевой ремиссии и, может быть, инфляции не будет, действительно. Если я ответил на ваш вопрос.

Сергей Серебряков: Еще вопросы?

Мужчина: Можно мне? (нрзб.) (00:42:21) институт психологии РАН. У меня к предыдущему докладчику вопрос, к вам. Видите ли вы какую-то общественную силу, которая способна требовать увеличения денежной массы? Кроме бюджетников.

Гарегин Тосунян: Знаете, общественной силой у нас является представительная власть, которая соответствующим образом принимает отчеты финансово-экономические, и

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

должна соответствующим образом направлять в нужное русло. Но у нас законодательная власть очень часто, вот сейчас в спешном порядке принимается целый пакет законов, которые будут еще больше усугублять эту монополизацию рынка и концентрацию финансов более узкой группе людей.

Поэтому такой общественной силы, которая пришла бы и сказала: «Ну, ка, быстро монетизируйте экономику, увеличьте объемы», это не решается на площадях. Это решается очень сложным процессом мотивации законодательно за счет тех, кто работает на земле, причем разного уровня работающих на земле. Не только гигантов, а среднего уровня. А, во-вторых, очередь с их стороны диктует соответствующая политика через законы или нормативные акты.

Сергей Серебряков: А у меня вопрос к выступающему. Я просто послушал. Михаил Викторович, раскройте, что вы имели в виду под Госпланом. Только коротко, буквально за 30 секунд.

Михаил Величко: Если коротко, то все просто. Есть объективные закономерности, которые включены в нашу жизнь общества. Совокупность частных инициатив не всегда вписывается в эти объективные закономерности. Поэтому надо строить политику макроэкономическую на уровне планирования целей макроэкономического развития. А дальше вопрос в том, как настроен налоговый дотационный механизм, чтобы в условиях конкурентной среды частная инициатива приводила к тому, чтобы экономика производила все то, что нужно людям в достаточном количестве и обеспечивала поддержку политики государства, как внутренней, так и внешней.

Сергей Серебряков: То есть термин тот же, а суть не того Госплана?

Михаил Величко: Суть не того Госплана. Если бы тот Госплан был научно-методологически состоятельным, мы бы до сих пор жили в СССР и СССР был бы сверхдержавой номер один. Проблема в том, что методология планирования того Госплана была, мягко говоря, не адекватна.

[00:45:11]

Сергей Серебряков: Спасибо.

Мужчина: Я бы не согласился. Уважаемые коллеги, вы поймите, все страны «Семерки» планируют свою жизнь на 70 лет. Япония считает балансы в два раза больше, чем Советский Союз. А Минэкономразвития у них, он считает баланс потребности и необходимость в два раза больше. Но, стимулирование активности идет как раз через количественное смягчение и снижение налоговых. У них же нигде нет так, как у нас. У нас сегодня, скажем, налоговая система для рентных компаний, она такая же, как на Западе, и в Европе, и в Америке.

Но для производящего сектора она в полтора раза тяжелее. Тут надо понимать, что можно называть по-разному, но функции выполнять те же. В этом проблема. Но самое страшное другое. Из-за недостатка времени, обратите внимание, у нас банковская система за прошлый год получила 1 трлн прибыли. В этом году вы могли в бегущей строке

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

и «РБК», и «Вести 24» увидеть, что за три месяца этого года банковская система в два с половиной раза увеличила прибыль.

Это о чем говорит? О том, что у нас неправильная политика в отношении финансовых структур. Потому что у нас рантье. У нас не кровеносная система экономики банковская система, а рантье, который занимается добыванием денег и выводом их за рубеж. И самое главное. У нас ведь 23 трлн розничной торговли принадлежит офшорным сетевым компаниям, которые всю прибыль официально конвертируют и вывозят без всяких ограничений, одновременно являясь монополистами, выдавливают отечественных. Вот в чем проблема.

Причем, если вы посмотрите, в первой пятерке там от 500 млрд до триллиона прибыль за год, за прошлый. И самое страшное, 7,4 – падение доходов населения. А ни одна сетевая структура не получила прибыль меньше 13%. Первая пятерка – 25%. С моей точки зрения это, в принципе, фактически неправильное разложение, в общем-то, в структуре производства, потому что у нас тот, кто производит, меньше всего имеет маржу, то есть прибыль. Вот в этом проблема. Это задача общества. Задача правительства.

Сергей Серебряков: Еще вопросы?

Валерий Гартунг: Я хотел бы задать, получилось два вопроса по поводу того, есть ли общественная сила, которая заставит власть действовать по-другому? Я попробую на него ответить, чтобы вы сами на него ответили. Поднимите руку, кто ходил на выборы последний раз, поднимите руку? Видите, здесь показало, здесь инициативные. Я могу сказать, что здесь повезло. Видимо, сознательные люди, все сторонники пришли.

Я могу сказать, что реальная явка по Москве в районе 15%, не больше, 12, даже. По Челябинску, где я следил за ситуацией, не больше 30%. Не больше! Это максимальная явка. Я о чем хочу сказать? В Конституции записано кто носитель верховной власти, правильно? Всем очевидно – российский народ. Но почему-то российский народ предпочитает во время выборов оставаться дома, хотя живем все хуже и хуже. Вот ответ на вопрос.

Секундочку. И теперь, как результат. КПРФ уменьшила количество голосов в Думе в два с половиной раза, «Справедливая Россия» в три раза уменьшила. «Единая Россия» нарастила в полтора раза, получив конституционное большинство, которого у нее не было. Вот, собственно, и ответ на вопрос. Ответили?

Сергей Серебряков: Но у нас все-таки тема про Центральный банк.

Валерий Гартунг: Я понимаю, что про Центральный банк. Но когда все в зале единомышленники, они сказали, что нужно делать. А власть не слышит. Возникает вопрос – а что делать?

Женщина: Я студентка третьего курса факультета экономики и статистики ФНГ, у меня, наверно, ко всем вопросам по поводу того, что есть законы, которые регулируют финансовую систему, экономическую и про Центробанк. В любом случае, многие законы почему-то в силу обстоятельств, какие-то не эффективные, вроде и вносятся поправки.

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

Можно вопрос – почему эти законы не настолько являются эффективными, почему все же, при всех обстоятельствах рост инфляции увеличивается и при этом увеличивается рост безработицы.

[00:50:11]

Сергей Серебряков: А вы кому конкретно задаете такой вопрос?

Женщина: Я общий, многим докладчикам. Почему они считают, что не эффективны законы.

Гарегин Тосунян: Давайте я вам коротко отвечу, мои коллеги дополнят. У нас законотворческий процесс и правотворчество. Правотворчество шире, чем законотворчество. Когда возникает идея, должен быть обозначен носитель этой идеи и интересант этой идеи. А потом должна быть проведена экспертиза профессиональных экспертов и науки. А потом переведено это должно быть в законотворческую плоскость, где тоже должны быть процедуры, прописанные не регламентом Госдумы, а законом о законе специальном.

Так вот, у нас ни этого этапа нет, ни того этапа нет. У нас за закрытыми дверями определяется, кому-то гениальная идея показалась, вносится на рассмотрение и уважаемые крупные фракции умудряются пронести то, что они считают нужным. А что считает народ, участники рынка, представители разных отраслей, это мало кого интересует. В самой процедуре заложена порочность. Нет закона о лоббировании. Если ты хочешь распределить что-то между собой, то, будь добр, публично выйди и скажи, что вот я хочу законодательно распределить это таким образом.

Тогда пускай будет общественное обсуждение, и закон о лоббировании требует, чтобы были выявлены те интересанты, кто и во власти, и от рынка проталкивает свои интересы. Процедурно чтобы было видно, кто проталкивает и как. И за каждую выпитую чашку кофе в Штатах и в Европе лоббисты должны отчитаться, кто оплатил, каким самолетом, куда полетели на встречу с соответствующими лоббистами, как эти обсуждения проходили.

У нас даже близко пока нет этого понимания. У нас, когда ты в этой книжке говоришь о том, что решения принимаются кулуарно, то на тебя набрасывается масса людей: «Как? Кулуарно?! Что ты говоришь? Это где кулуарно?»

Николай Коломейцев: Я бы не согласился, коллеги. Уважаемые товарищи, у нас все прописано. Проблема в том, что у нас с вами президентская республика, и из восьми субъектов права законодательной инициативы решающим является президент и все его государственно-правое управление. Поэтому внесенные президентом законы рассматриваются и принимаются в течение недели. Право второй ночи имеет правительство.

Второе. Аристотель говорил о том, что если хотите справедливую власть, представительные и законодательные органы, ну, он говорил представительные, должны формироваться по сословному принципу. Сегодня наше формирование произошло в пользу рентной олигархии. У нас колониальная сырьевая страна, в которой рентная

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

олигархия в принципе диктует закон. У них и налоги. Вы обратите внимание, в прошлую пятницу Дума принимает закон о возврате всем несчастным олигархам, попавшим под санкции, возврата 13%-ных НДФЛ с 2014 года. Вы прецедента в мире не найдете, понимаете?

Но, закон не становится законом, пока его не подписал президент. Это только у нас в СМИ: плохой закон – это Дума, хороший закон – это президент. Поэтому вы должны понимать, что закон рассматривается обязательно в Думе, в трех чтениях. Потом Совет Федерации, и только подписанный президентом закон становится законом. Могу ответственно вам заявить: 90% принимаемых законов только, скажем, с высочайшего соизволения главного правового управления президента. И любые лоббистские группы пролоббировать его могут только там, и нигде в другом. Никакая фракция, никакой сверхумный и красивый, находящийся в эфире депутат, не может провести закона без вот такой технологии.

А проблема, Валерий Карлович сказал правильно, понимаете? У нас проблема в чем? В Голландии, если вы не пришли на выборы, до следующих выборов вы лишаетесь права обращения в муниципальные государственные органы, поняли, да? У нас по данным ФАПСИ, не мои данные, на последних выборах в крупных городах больше 15% нигде не было. В городах, выше миллиона, – 12%. А реальную явку показывают 50. То есть могли все пришедшие проголосовать по-другому, а рисование на выборах, что в любой стране квалифицируется как захват власти, у нас даже пойманные, ни один не понес реальной ответственности.

[00:55:15]

С моей точки зрения все объясняется просто. Падение уровня жизни, я здесь с Гарегином не согласен, но официальная статистика есть, 20 млн ниже черты бедности, – это на Гайдаровском форуме нам озвучила госпожа Голодец. Но, проблема в другом. У нас 70% по опросам, ассоциирует себя с гранью нищеты. Поэтому это очень серьезная проблема. И это именно душит политическую активность. У нас всего 8% активного общества.

Сергей Серебряков: Коллеги, у нас осталось буквально 5-10 минут, поэтому вопросы. Ребята молодые, есть вопросы?

(говорят хором)

Николай Коломейцев: ... И регулирование проблем сбалансированности в ходе экономического цикла. Это необходимо для экономики. Вот это надо понимать.

Сергей Серебряков: Коллеги, если нет больше вопросов.

Николай Коломейцев: Сергей, извините, пожалуйста. Но если вы посмотрите, то, скажем, Европейский банк, ФРС, Банк Англии, Норвегии, Швейцарии, у них, чем длиннее деньги, тем дешевле кредит, специально. Это является преференции вовнутрь. У нас же с вами, если вы посмотрите на операции РЕПО и операции представления банка, у нас краткосрочные дневные, максимум неделя. В результате цена денег коммерческого банка невероятно высока.

МЭФ-2017: Круглый стол № 32 «Центробанк России: борьба с инфляцией или финансы для развития?»

Сергей Серебряков: Депутат Государственной Думы. Сразу видно. Коллеги, круглый стол будем считать завершенным, большое спасибо всем, кто приняли участие.

[00:57:36] [Конец записи]